

УДК 821.161.1.09

ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»²

С. Ю. Николаева

Тверской государственной университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Художественная концепция повести А. П. Чехова «Степь» впервые обуславливается философским контекстом, соотносится с литературными и философскими источниками различных эпох, от древности до начала XX века. Анализируются типологические и генетические связи повести с сочинениями Н. В. Гоголя, В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского.

Ключевые слова: *русская литература и философия, А. П. Чехов, повесть «Степь», Н. В. Гоголь, В. С. Соловьев, Д. С. Мережковский*

Воплощенная в повести А. П. Чехова «Степь» (1888) концепция сложности, многообразия и единства мира, в котором живет человек, была рассчитана, по свидетельству ее автора, на читателей с изощренной памятью и «сильно искусившихся на грамоте» [14, т. 2, с. 178]. По словам Чехова, в этом произведении он раскрыл дорогие сердцу образы и картины, решившись «выступить оригинально» [14, т. 2, с. 178]. «Степной» замысел вынашивался долго, он не поддается однозначной расшифровке и становится яснее лишь на фоне исторических разысканий писателя, в широкой перспективе его литературных и философских интересов той поры. Чехов отталкивался от достижений современного русского романа (это видно из переписки с Д. В. Григоровичем) и новейшей русской и мировой философии и в то же время обращал свой взгляд художника в глубины русской истории и культуры.

Интерпретация «Степи» для литературоведов и критиков всегда была задачей провокационной, неоднозначной [7]. Велико искушение заявить, что в чеховской повести есть не просто пейзаж, а нечто большее. Тогда что именно? Е. Н. Разумова, например, критикуя самых тонких исследователей «Степи» М. Громова и Р. Джексона за то, что они «сводят содержание повести к национально-исторической проблематике» и тем самым следуют канонам «советского литературоведения», обещает «взглянуть на «Степь» в другом аспекте, связанном с движением философских представлений Чехова и предполагающем более широкий масштаб осмыслений сюжета» [10]. Но итоговый вывод исследовательницы звучит далеко не лучшей парфразой изящных суждений вышеупомянутых ученых: «...повесть пронизана духом поиска истины, смысла жизни человека в этом необъятном и непостижимом мире. <...> Очевидно, именно неразрывное соединение универсальных проблем бытия и глубоко личного переживания обуславливает глубоко национальный дух повести, не сводимый ни к особенностям поэтики, ни к социально-исторической проблематике. В "Степи" Чехов впервые достиг ... масштабности содержания и ... гармоничности его воплощения» [10].

² Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области (проект № 14-14-69005 «Проблема литературных связей А. П. Чехова: повесть «Степь» в историко-литературном процессе. Монографическое исследование»)

Очевидно, что для адекватного прочтения философского смысла повести необходимо прежде всего раскрыть и прокомментировать круг источников, на которые опирался Чехов в процессе своей работы, изучить тот философский контекст, в котором формировался замысел «Степи».

Прежде всего стоит напомнить, что в чеховской повести имеется одна загадочная фраза подчеркнута философского содержания. В разговоре с Егорушкой о пользе книжного учения отец Христофор говорит, как бы вспоминая «кое-что из философии и риторики»: «Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению» [14, т. 7, с. 21]. Слова о «существо» представляют собой терминологически точное определение субстанции – «общее место» всех трактатов и руководств по логике, философии, риторике и диалектике еще со времен Аристотеля. «Из философии и риторики кое-что еще помню», – замечает отец Христофор [14, т. 7, с. 20].

Из какого источника взята эта фраза? Восходит ли она вообще к какому-либо конкретному источнику? Томская исследовательница считает это определение «подчеркнуто безличным, лишённым субъективности, "ничьим"», по ее мнению, оно «резко выделяется своей неуклюжей архаичностью и безжизненностью» [10]. На самом деле известно, что отец Христофор, вслед за Чеховым, «знает» это определение по книге Петра Могилы «Собрание краткия науки об артикулах верь» (1649) [6, л. 5 об.]. Чехов реалистичен и документален в построении образа: отец Христофор когда-то готовился стать «ученейшим мужем», «светильником церкви», хотел «в Киев ехать, науки продолжать»; ведя беседу о пользе книжного учения, он постоянно ссылается на Нестора-летописца, апостола Павла, на одного из трех первосвятителей – Василия Великого (Кесарийского) и, наконец, на самого Петра Могилу – основателя Киевской духовной академии, слушателем которой отец Христофор так и не стал. Чехов редко делает «глухие» отсылки, он почти всегда дает знак, сигнал, указание на источник. В данном случае таким знаком послужило имя Петра Могилы.

Однако Чехов не просто цитирует, он как бы восстанавливает историко-культурный контекст, в котором «жила» цитата. Дело в том, что фрагмент о «существо», включенный в сочинение киевского митрополита, контрастирует своим философским содержанием с чисто катехизическими поучениями Петра и тем самым заставляет думать, что у него есть первоисточник, что он тоже с чего-то «списан» или переведен. И действительно, первоисточником цитаты о «существо» является «Изборник Святослава» 1073 г. В состав этого памятника входит трактат Георгия Хировоска «О образех», то есть об элементах аристотелевской риторики, а также логико-философский трактат Феодора Раифийского о категориях аристотелевской диалектики. В частности, там имеется определение существенного (сущности), к которому восходит текст Петра Могилы: «Сущее есть вещь особе состоящая, не требуя иного на бытие» [3, л. 223].

По-видимому, и этот источник был известен Чехову. В 1880 г., при жизни писателя, он был напечатан фотолитографическим способом в Обществе любителей древней письменности, а в 1882–1884 гг. было начато его издание Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Впервые отрывки из философского сочинения Феодора Раифийского по «Изборнику» 1073 г. опубликовал Ф. И. Буслав в хрестоматии 1861 г. [1, стлб. 274].

Очевидно, философская традиция, утвержденная на русской почве составителем «Изборника Святослава», была очень мощной, влиятельной. Ее присутствие обнаруживает себя во многих источниках, имеющих отношение к сфере образования, школы, науки. Например, очень близкий к приводившимся выше вариантам цитаты о

«существо» текст имеется в одном из «Азбуковников», обнаруженном среди рукописей Соловецкой библиотеки А. Карповым: « – Что есть существо? – Вещь самодеятельна, никогоже иного требуя на свое составление» [4, с. 188].

Своеобразие источников цитаты о «существо» находится в полном соответствии со спецификой образа о. Христофора в целом. Среди книг, прочитанных Чеховым в период работы над «Врачебным делом», была «Краткая церковная российская история» митрополита Платона [8, с. 80–81], предисловие к которой стало автохарактеристикой церковного иерарха и основой характеристики чеховского персонажа.

Замечательно, что митрополит Платон отстаивал в своем предисловии принцип исторической объективности, предельно понятный и близкий Чехову, писал о «первом любезном и привлекательном истории свойстве», то есть об «истине и беспристрастии» [9, с. VIII–X]. На этих страницах неожиданно возникал яркий образ русского священника, «от молодых лет» чувствовавшего склонность к чтению исторических книг. И когда мы обращаемся к последним словам Платона: «...объяснив сие, не остается мне более, как желать и молить Бога, чтоб сия издаваемая мною история послужила к пользе и наставлению юношества... дабы они, подражая древним духовным святым мужам, не столь, по Апостолу, в научения странна и различна прилагались, сколь добродетелью и благодатию утверждали бы сердца свои» [9, с. X], – то становится очевидным, что некоторые черты митрополита Чехов воскресил в образе добродушного о. Христофора, в таких, например, его речах: «С самого раннего возраста Бог вложил в меня смысл и понятие» [14, т. 7, с. 20]; «Ты только учишь да благодати набирайся, а уж Бог укажет, кем тебе быть... Апостол Павел говорит: на учения странна и различна не прилагайтесь... Надо воспринимать только то, что Бог благословил... Со святыми соображайся...» [14, т. 7, с. 98].

Напрашивается вывод о том, что понятие *существо* воспринималось Чеховым в религиозно-философском ключе. И влияние на него оказали в данном случае такие мыслители, как Н. В. Гоголь – автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» и В. С. Соловьев, философ и поэт, во времена чеховской юности печатавший в русской периодике свои первые труды: «Вера, разум и опыт» (1877, газ. «Гражданин»); «Духовные основы жизни» (1882–1884); «Три речи в память Достоевского» (1881–1883, газ. «Новое время», журнал «Русь»). Философские категории, которыми оперировали Гоголь и В. Соловьев, оказались созвучными чеховскому художественному мышлению.

Несомненная связь с традицией Гоголя проявилась в характеристике такого персонажа «Степи», как о. Христофор. В переводе с греческого имя это означает *Христоносец*. Согласно библейской мифологии, он покровитель путников, моряков, врачебного искусства, но самое интересное для нас: он переносит мальчика, оказавшегося Христом, через реку, помогает ему преодолевать огромные пространства и подстерегающие его опасности. Чеховский Христофор переправляет Егорушку (по поручению его маменьки) через «степь, прости Господи, протяженно-сложенную» [14, т. 7, с. 94] в будущую жизнь и вместе с тем указывает ему путь жизни истинной: «Учись и благодати набирайся» [14, т. 7, с. 98]. Науку и веру Христофор ставит рядом, не противопоставляет их друг другу, не исключает что-то одно, а связывает их друг с другом к одно целое, необходимое современному человеку.

Данная концепция находит соответствие в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, также размышлявшего над проблемой соотношения веры и знания: «Ум не есть высшая в нас способность. <...> Отвлеченными чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заста-

вишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию. <...>. Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретается не иначе, как победой над страстями. Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием. Но и разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность; имя ей – мудрость, и ее может дать нам один Христос. Она не наделяется никому из нас при рождении, никому из нас не есть природная, но есть дело высшей благодати небесной» [2, с. 254–255].

Поучения о Христофоре, обращенные к Егорушке, созданы по канве расуждений Гоголя и приведены в соответствие с характером старенького благодушного священника. О. Христофор показан с явной симпатией и юмором и явно олицетворяет собой положительный нравственный полюс в повести. Комические элементы в его облике обусловлены авторским пониманием наивности этих поучений: осозная нравственную правоту и высоту Гоголя, вкладывая множество сочувственных нот в ткань образа о. Христофора, Чехов прекрасно понимал: самое трудное – воплотить в жизнь те наставления, которые получил Егорушка.

В гоголевской книге «Выбранные места из переписки с друзьями» *существо* как философское понятие появляется в двух контекстах, одинаково актуальных для Чехова в конце 1880-х гг. Первый контекст – это значение христианства в жизни современного человека, вопросы православного вероучения. По утверждению Гоголя, в православной (восточной) церкви есть «простор не только душе и сердцу человека, но и разуму, во всех его верховных силах; в ней дорога и путь, как устремить все в человеке в один согласный гимн верховному существу» [2, с. 276]. «Верховное существо» – Бог, и именно определение Бога дает в своей речи о. Христофор. Это определение своей стилистикой вполне соответствует позиции Чехова, считавшего вопросы веры глубоко внутренним, интимным делом каждого человека.

Второй контекст – это вопрос о происхождении и назначении искусства. Идеалом поэта, истинным поэтом в глазах Гоголя был Пушкин, который сумел показать, «что такое в существе своем поэт, это чуткое создание, на все откликающееся в мире и себе одному не имеющее отклика», «показать в себе это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякий отдельный звук, порождаемый в воздухе», «чудный образ, на всё откликающийся и одному себе только не находящий отклика» [2, с. 381–382]. Как известно, именно в период работы над «Степью» у Чехова окончательно сложилось его творческое кредо: объективность и независимость от партий данной минуты и злобы дня. «Самобытное существо» в «Степи» – это и сам автор, творчество которого возникает вовсе не «из ничего», как считали некоторые критики, а из глубин национальной русской самобытности.

Удивительно, что Гоголь в своей книге перечислил такие же претензии критиков к А. С. Пушкину, с которыми столкнулся Чехов после публикации «Степи». Сочинения Пушкина, по свидетельству Гоголя, «в глазах людей весьма умных, но не имеющих поэтического чутья, ... отрывки недосказанные, легкие, мгновенные; в глазах людей, одаренных поэтическим чутьем, они – полные поэмы, обдуманные, оконченные, всё заключающие в себе, что им нужно» [2, с. 381]. О содержательности пушкинского творчества тоже спорили, как и о «безыдейном» творчестве Чехова: «Зачем, к чему была его поэзия? Какое новое направление мысленному миру дал Пушкин? Что сказал он своему веку? Подействовал ли на него если не спасительно, то разрушительно? <...> Зачем он дан был миру и

что доказал собою? Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше, – что такое поэт, взятый не под влиянием какого-нибудь времени или обстоятельств и не под условием также собственного, личного характера, как человека, но в независимости от всего» [2, с. 382]. В этих тезисах Гоголя Чехов не мог не найти для себя поддержку, оправдание собственных творческих исканий.

В эпоху Чехова близкие формулировки использовал В. С. Соловьев. Проблематика и топика его сочинений перекликается с гоголевской и чеховской. Это обусловлено типологическими пересечениями, а также, возможно, и генетическими связями, сознательной ориентацией Чехова на известного молодого философа, читавшего лекции в Московском университете в то время, когда Чехов учился там на первом курсе.

В работе «Вера, разум и опыт» (1877) молодой В. Соловьев защищал «определенные основания для нормального единства или синтеза веры, разума и опыта, откуда само собою должен следовать синтез религии, философии и положительной науки» [11] – близкая Чехову мысль. В книге В. Соловьева «Духовные основы жизни» (1882–1884) внимание Чехова не могли не привлечь размышления философа «о природе, о смерти, о грехе, о законе и благодати». Некоторые высказывания Соловьева перекликаются с повествованием в «Степи», с автокомментарием Чехова к своей повести: «Два близкие между собою желания, как два невидимые крыла, поднимают душу человеческую над остальной природой: желание *бессмертия* и желание *правды*, или нравственного совершенства» (выделено авт. – С. Н.) [12].

Наиболее значим тот факт, что фраза о «существо», произнесенная о Христом, получает в тексте Соловьева блестящий завершающий и объясняющий комментарий, который Чехов оставил в подтексте: «Это сущее Добро, т. е. существо, само по себе обладающее полнотою и источником благодати, есть Бог» [12]. Гоголь говорит «Христос», В. Соловьев – «Бог», Чехов же оставляет возможность читателю восполнить недосказанное, помогая читательскому восприятию с помощью художественной ономастики: Христофор – «Христоносец».

В. Соловьев затрагивает в своих сочинениях понятие нравственной нормы, столь важное для Чехова. Анализируя творчество Ф. М. Достоевского, философ разворачивает доказательство необходимости положительной нравственной нормы: «Он слишком хорошо знал все глубины человеческого падения; он знал, что злоба и безумие составляют основу нашей извращенной природы и что если принимать это извращение за норму, то нельзя прийти ни к чему, кроме насилия и хаоса» [13, с. 311]. Вспомним, что Чехов считал одной из задач художника показывать, насколько современная жизнь отклоняется от нравственной нормы.

В своих письмах-послесловиях к «Степи» Чехов, как известно, обсуждал с Д. В. Григоровичем сюжет, могущий служить продолжением повествования о Егорушке, – сюжет о русском юноше-самоубийце, поступок которого можно объяснить только в рамках проблемы «человек и природа»: «Самоубийство Вашего русского юноши есть, по моему мнению, явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ рядом с широким полетом мысли; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, та-

тарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия...» [14, т. 2, с. 198].

Здесь еще одна точка пересечения концепций Чехова, В. Соловьева и Достоевского. Критикуя «все свободное просвещение Европы», европейских «мистиков», «квизтистов», «пиэтистов», «гуманистов», «натуралистов», «реалистов и материалистов», которые то «отвращались от материальной природы» и видели «в Боге только зародыш человека, а в природе – только его тень», то, напротив, преклонялись перед «мертвым механизмом природы» [13, с. 314], Соловьев ценил Достоевского за то, что «его вера в человека была свободна от всякого одностороннего идеализма или спиритуализма: он брал человека во всей его полноте и действительности», за то, что он показал человека, ищущего веру, переживающего кризис веры: «Сознавая свой недуг, он не верит в исцеление и потому приобретенную тем сознанием силу и свободу может употребить только на самоуничтожение. К самоубийству приходит всякий, кто сознает всечеловеческое зло, но не верит в сверхчеловеческое Добро. Только этой верой человек мысли и совести спасается от самоубийства» [13, с. 313]. Именно в России поиск веры человеком может завершиться трагедией, гибелью.

Проблему «человек и природа» В. Соловьев, как и Чехов, увязывает с проблемой самоубийства, а решает с религиозно-философской точки зрения: «Верить в царство Божие – значит с верою в Бога соединять веру в человека и веру в природу. Все заблуждения ума, все ложные теории и все практические односторонности и злоупотребления происходили и происходят от разделения этих трех вер. Вся истина и все добро выходят из их внутреннего соединения. С одной стороны, человек и природа имеют смысл только в своей связи с Божеством – ибо человек, предоставленный самому себе и утверждающийся на своей безбожной основе, обличает свою внутреннюю неправду и доходит, как мы знаем, до убийства и самоубийства, а природа, отделенная от Духа Божия, является мертвым и бессмысленным механизмом без причины и цели, – а с другой стороны, и Бог, отделенный от человека и природы, вне своего положительного откровения является для нас или пустым отвлечением, или всепоглощающим безразличием» [13, с. 313].

Чехов выстраивает художественную концепцию своей повести и ее возможного продолжения в явном соотношении с философией В. Соловьева и, отчасти, в полемике с ней: свою литературную задачу он видит в постановке вопросов, а не в том, чтобы навязывать читателю тот или иной ответ. Но совершенно очевидно, что вопрос о Боге, о поисках веры современным «русским мальчиком» становится в «Степи» центральным и для автора, и для главного героя, и для читателя. При этом концепты «природа (степь)», «человек», «существо (Бог)» организуют художественный мир повести.

Добавим, что использованные Чеховым мифологемы оказались востребованными в полемике русских философов в начале XX века о путях русской истории. Д. С. Мережковский, хорошо знавший чеховскую «Степь» и бывший одним из ее критиков, иронизируя над «русской идеей» В. Соловьева и Вяч. В. Иванова, смеясь над тем, что в России якобы решается «вопрос мировых судеб», отрицал, что «народ наш – "христоносец" по преимуществу», что он, «подобно св. Христофору, через темный брод истории несет он на плечах своих младенца Христа» [5, с. 8–9]. Напротив, по мнению Мережковского, «Св. Христофор не узнал Младенца Христа, которого нес на плечах. Не так же ли Россия, слепой великан, не видит, кого несет, – только изнемогает под страшной тяжестью, вот-вот упадет раздав-

ленная? Не видит Россия, кто сидит у нее на плечах, – Младенец Христос или щенок Антихристов» [5, с. 15].

Не зря Чехов не любил Мережковского. В своей «Степи» он вовсе не избразил множественность, относительность и равноправие разных «правд», а подтвердил абсолютный характер истинно христианской нравственности, «сущего Добра», по В. Соловьеву, и продемонстрировал, как трудно современному «русскому мальчику» вопреки всем искушениям и испытаниям остаться верным Христу, не превратившись в «щенка Антихристов».

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М.: б.и., 1861. 880 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Худож. литература, 1967. Т. 6: Статьи. 600 с.
3. Изборник Великого Князя Святослава Ярославича 1073 г. М.: Наука, 1983. 460 л.
4. Карпов А. Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей. Казань: б.и., 1877. 346 с.
5. Мережковский Д. С. Земля во рту // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге: История в материалах и документах. 1907–1917: В 3 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2009. С. 7–17.
6. Могила Петр. Собрание краткия науки об артикулах веры. М.: б.и., 1649. 86 л.
7. Николаева С. Ю. Источник чеховской цитаты // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1985. № 5. С. 449–450.
8. Николаева С. Ю. Чехов и Достоевский: проблема историзма. Тверь: ТвГУ, 1990. 85 с.
9. Платон. Краткая церковная российская история: В 2 т. Т. 1. СПб., 1805. 464 с.
10. Разумова Н. Е. «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266. Январь. С. 134–138. URL: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html) (Дата обращения 10.09.2014).
11. В. С. Соловьев. Вера, разум и опыт [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/1877vera.html (Дата обращения: 10.09.2014).
12. . Соловьев В. С. Духовные основы жизни [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/03_299.htm#_Точ121205340 (Дата обращения: 10.09.2014).
13. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 290–323.
14. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Сочинения: В 18 т.. Т. 7: Рассказы и повести 1888–1891. 1985. 736 с. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 2: Письма 1887 – сентябрь 1888. 1975, 584 с.

**THE PHILOSOPHICAL CONTEXT OF THE NOVEL
BY A. CHEKHOV "THE STEPPE"**

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

The department of philological basics of publishing and literary creation

Artistic concept of Anton Chekhov's story "The Steppe" was firstly determined by philosophical context and related to the literary and philosophical sources of various ages, from antiquity to the beginning of the XX century. Author analyzes typological and genetic ties of the text with the works of N. Gogol, V. Solovyov, D. Merezhkovsky.

Key words: *Russian literature and philosophy, A. Chekhov, novella "The Steppe", N. Gogol, V. Soloviev, D. Merezhkovskiy*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru